

Л. И. Гришаева (Воронеж, Россия)

**ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР РИСКА
В ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

В статье обсуждаются вопросы культурной идентичности, восприятия инокультурного собеседника, а также когнитивных оснований для создания стереотипного восприятия представителей других культур. Основываясь на данных, полученных в ходе семинара с участием немецких и русских студентов, автор предлагает когнитивную теорию восприятия «своей» и «чужой» культуры. Оппозиция «свой – инокультурный чужой» является когнитивно важным фильтром, который определяет дальнейшие стратегии межкультурного взаимодействия.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, концептуализация, категоризация, стереотип, предубеждение

LYUDMILA I. GRISHAEVA (VORONEZH, RUSSIAN FEDERATION). INTERTEXTUALITY AS A RISK FACTOR IN TRANSLATION. The paper discusses the issues of cultural identity, perception of people from foreign cultures, and cognitive base for stereotyping. The author uses data obtained from German and Russian students – participants of the seminar held at Voronezh State University – and offers a cognitive theory of perception of “one’s own culture” and “other culture”. The dichotomy “own – foreign other” is a cognitively important filter which determines further strategies of intercultural interaction.

Keywords: intercultural communication, conceptualization, categorization, stereotype, bias

Несмотря на довольно длительную историю переводческой деятельности вообще и переводоведения как науки, описывающей и изучающей разные виды этой весьма сложной и интенсивной деятельности, в частности, до сих пор можно назвать ряд чрезвычайно дискуссионных проблем, остающихся острыми как в теоретическом, так и в прикладном отношении.

К таким проблемам, по всей видимости, следует отнести и интертекстуальность, как бы её ни трактовали исследователи: как связь между текстами в пределах одной культуры, как связь между конкретными текстами одного типа и культурно специфическим

образцом организации этого типа, как связь с претекстами, имеющими свои следы в конкретном тексте или как-либо иначе (см., например, вынужденно лаконичный комментарий в специальных словарях (Vußmann 2002: 317; Metzler 1993: 279) или довольно развернутый анализ генезиса интертекстуальности как семиотической, литературоведческой и лингвистической научной категории, а также таксономию интертекстуальности в (Fix 2008: 31-46).

С большой долей уверенности можно утверждать, что подавляющее большинство профессионального сообщества переводчиков и переводоведов согласится со сформулированным тезисом уже на самом начальном этапе дискуссии, поскольку интертекстуальность самым непосредственным образом связана с целым рядом проблем, с которыми каждый переводчик имеет дело на практике, даже если он не интересуется теоретическими аспектами соответствующей проблематики: (1) особенности содержательной, синтаксической и формальной организации текста определённого типа, (2) соотношение эксплицируемого и имплицитного в тексте, (3) гармонизация стратегий декодирования и кодирования некоторого комплекса сведений о мире, (4) выбор средств номинации одного и того же референта, (5) культурная специфика порождения и рецепции текста, наконец.

Последнее особенно значимо для переводчика, поскольку умение распознавать семиотические границы, умение выстраивать средствами разных культурных кодов «свое» и/или «чужое» культурное пространство относится, вне всякого сомнения, к первостепенным качествам переводчика как профессионала (о значимости семиотических границ при порождении и интерпретации текстов см. подробнее в: (Кашкин 2010, особенно с. 171-229).

Таким образом, ясно, что для переводчика навык распознавания интертекстуальности, как бы её ни трактовать, и её перекодирования средствами иного языка следует признать одним из наиболее важных. Именно по этой причине он нуждается не только в переводческом описании с теоретических позиций, но и в прикладном отношении, в том числе и в дидактическом ракурсе.

1. Интертекстуальность как феномен. Переводчик имеет дело с текстами, поэтому осознанное лингвистическое знание о принципах устройства текстов, несомненно, помогает ему как при восприятии, так и при порождении текстов. За последние десяти-

летия исследователи пришли к консенсусу по многим вопросам тематической, семантической, синтаксической организации текста, а также при трактовке сущности текста как феномена и его места в естественной коммуникации.

Так, А. Богранд и В. Дресслер называют семь признаков текста в качестве основополагающих, а интертекстуальность – одним из конститутивных принципов коммуникации с помощью текстов, которая рушится, если эти принципы не соблюдаются (Beaugrande 1981: 13ff).

М. Хайнеманн и В. Хайнеманн полагают, что критерий текстuality «интертекстуальность», как отражающий связь одного текста с любыми другими текстами (Heinemann 2002: 108), следует соотнести с критерием «дискурсивность», отображающий связи между отдельными текстами в некотором структурированном множестве текстов (Там же: 108, 109). Интертекстуальность занимает такое важное место в процессах интерпретации текста, что М. Хайнеманн и В. Хайнеманн включают её анализ в общую модель описания текста (Там же: 202-204) в качестве третьего шага на третьем этапе.

Если принять во внимание, что тексты разных типов порождаются и воспринимаются буквально в каждой интеракции, то есть, в условиях естественного семиозиса, а также что «Развертка процесса естественного семиозиса реализуется на основе единой информационно-базы человека – его памяти, включающей «память тела», «память разума» и «память эмоционально-оценочных переживаний», постоянное взаимодействие которых обеспечивает выживание человека как вида и успешность его функционирования в социуме» (Залевская 2010: 13), то интертекстуальность целесообразно интерпретировать как свойство текстов, из-за которого порождение и восприятие одного текста зависит от знания другого или других текстов (Metzler 1993: 279).

Такая довольно широкая интерпретация анализируемого феномена позволяет непротиворечиво соединить проблематику теории текста с транслатологической проблематикой. Применительно к декодирующему и кодирующему этапу переводческой деятельности совокупность вопросов, связанных с интертекстуальностью, можно представить как ряд тезисов, формулирующих наиболее значимые для переводоведения аспекты теории текста:

- если признать интертекстуальность категорией текста, то есть, свойством, присущим любому тексту, то тем не менее необходимо знать/выявлять/изучать, как названное свойство проявляется в конкретном тексте, порождённом в известных условиях для реализации определенной цели, а также то, насколько значимым являются интертекстуальные связи в конкретном типе текста;

- если согласиться с тем, что интертекстуальные связи имеются между текстами априори, поскольку интертекстуальность – это феноменологическое свойство текста, то переводчику требуются точные, экспериментально выверенные знания о маркерах интертекстуальности применительно к двум культурам;

- если разделять позицию о регулярности проявления интертекстуальности как свойства, имманентного любому тексту, и вместе с тем не упускать из виду культурную специфичность организации текста определенного типа, то конкретные проявления интертекстуальности целесообразно рассматривать в контексте первичной/вторичной социализации, а развитое умение без труда распознавать интертекстуальные связи – как результат инкультурации и/или аккультурации;

- если проявление общего для всех текстов свойства интертекстуальности является культурно специфическим, то характер объективации этого качества в тексте, средства реализации этого свойства текста, степень плотности интертекстуальных связей в тексте определённого типа вообще и в актуальном тексте в частности и т. п. можно охарактеризовать как маркеры семиотических границ, как средства конструирования «своей»/«чужой» культурной реальности, как часть коллективной идентичности носителей культуры;

- если умение распознавать интертекстуальные связи в «своей» для переводчика культуре трактовать как результат инкультурации, то умение корректно интерпретировать интертекстуальные связи в «чужой» для переводчика культуре следует признать средством аккультурации;

- если учитывать, что знание интертекстуальных связей относится к ядерной части коллективной идентичности¹, то следует признать наличие стратегии кодирования сведений о мире через

¹ Обоснование выделения в структуре личностной и коллективной идентичности ядерной и периферийной частей см. (Гришаева 2007).

интертекстуальные связи, что, в свою очередь, предполагает существование стратегий декодирования названных связей, как они приняты/сложились в соответствующей культуре;

- если предположить наличие стратегий кодирования и декодирования интертекстуальности для одной культуры, то требуется сопоставлять эти типы стратегий в разных культурах и обучать этому переводчиков в качестве специальной задачи.

2. Пренебрежение интертекстуальностью как источник переводческих ошибок. О таком свойстве текста, как интертекстуальность, пришлось вспомнить, когда я однажды услышала сопровождающий кадры комментариев в одном из документальных фильмов британского канала «BBC», повествующем об истории человечества на рубеже нашей эры: *Картаго, между Дунаем и Тайсой, историк Джорданос, нападать на Иуду, стать царём Иуды*, что на самом деле было, как ясно каждому более или менее образованному носителю русской культуры, *Карфагеном, Тиссой, Йорданом, Иудеям*.

Очевидно, что в приведённых примерах переводчик не сумел найти адекватных решений в силу по крайней мере трёх причин: (1) либо он не имел необходимой для данного вида деятельности общей эрудиции, (2) либо он не сумел распознать тип дискурса, при реализации которого чрезвычайно значимым является соблюдение сложившихся в переводном языке конвенций, в том числе, и конвенций обозначения разнородных элементов иных культур, (3) либо он вообще не задумывался над проблемой обозначения реалий в разных культурах, а также над требованиями не нарушать традиций обозначения, сложившихся в конкретной культуре: ср. в русской культуре *Гудзонов залив* и *миссис Хадсон*, с одной стороны, и *залив Хадсона/Гудзона* и *миссис Гудзон*, с другой. Если же нарушить соответствующие конвенции, то реципиент либо вообще не сможет, либо серьёзно затруднится с распознаванием семиотических границ, ср. именование героев *Мэри – Мария* или *Иван – Жан – Йоханн – Джон – Ян – Янис* либо характер активизируемых сведений о немецком режиссере Штернберге при именовании его *Иосифом, Джозефом* или *Йозефом*.

И первое, и второе, и третье по-разному акцентирует один и тот же блок проблем, связанных с обучением переводчиков. И в первом, и во втором, и в третьем случае очевидной и особо зна-

чимой становится необходимость учета при переводе – и при обучении переводу – интертекстуальных связей. Активизация этих связей, несомненно, сказывается на понимании текста и на результате интеракции; ср., например, конвенциональные и неконвенциональные для русской языковой культуры фразы: *на продажу (выставлено на продажу – всё на продажу) – à vendre – for sale (продается), Я могу сделать это? ([Мне] можно [сделать это]?)*.

Не всегда текст предоставляет необходимые и достаточные условия для распознавания интертекстуальных связей, существующих как в пределах одной культуры, так и между разными культурами. И это справедливо как при восприятии того или иного текста на родном для носителей культуры языке, так и при переводе или ином типе межкультурной коммуникации.

Так, в осмыслении следующего отрывка испытают многочисленные сложности как переводчики, так и молодые современные носители русской языковой культуры, не приученные к чтению «сложных» текстов, насыщенных интертекстуальными связями: *«... после Великой Победы в Отечественной войне и сорока лет мира, а также долгого общеевропейского краснобайства о святости мира и нерушимости границ Запад вдруг ловко хлопнул Русь «фейсом об тарелку». Или, если воспользоваться выражением Геро-страта Сергеевича Меченого, показал «кто есть ху». После чего, естественно, началась другая эпоха» (Иван Гончаров – 200: «Бог знает, что за солнце!» (Литературная газета, 20-26 июня 2012 г., № 25 (6373), с. 4).*

В примере маркированы наиболее «тёмные» и сложные для перевода места. Сложным для понимания этот отрывок текста является потому, что он активизирует разнородные и многочисленные интертекстуальные связи не только между культурами, но и между эпохами, а также между разными социальными группами с нетождественными оценками одного и того же события. Слово-сочетание *Великая Победа в Отечественной войне* отсылает современного человека, не имеющего опыта декодирования интертекстуальных связей, прежде всего к победе в Великой Отечественной войне 1941-45 гг. Аналогичным образом слово-сочетание *сорок лет мира* может поставить адресата, привыкшего «сканировать», а не вдумчиво читать текст, в тупик, поскольку с момента *Великой Победы*, о которой он слышит, прошло 67 лет. А чтобы вспомнить про Отечественную войну 1812 года, ему необходимы

дополнительные когнитивные усилия. Не ясными будут и аллюзии на конкретное лицо – *Герострат Сергеевич Меченый* – для человека, у которого отсутствуют соответствующие сведения в когнитивном багаже, так и неясным останутся намёки на параллели между XIX и XX веками, а также оценки событий и деятельности конкретных исторических персонажей.

Анализ этого и подобного ему примеров побуждает акцентировать мысль о необходимости умения распознавать интертекстуальные связи как специальной переводческой задачи. В таком контексте проблема интертекстуальности неизбежно будет предполагать ряд аспектов когнитивной деятельности переводчика, среди которых прежде всего следует назвать умения:

- распознавать комплекс сведений, активизируемых разными способами, в том числе, интертекстуальными связями (аллюзии, устойчивые сравнения, эпитеты, пословицы, идиомы, прецедентные феномены разного типа и др.), и его понимание как такового;
- адекватно интерпретировать весь комплекс средств согласно конвенциям и традициям, принятым в определённую эпоху в целевой культуре;
- адекватно интерпретировать соотношение «когнитивная фигура – когнитивный фон» в комплексе сведений, активизированном интертекстуальными связями;
- адекватно выбирать средства перекодирования соответствующего комплекса сведений из совокупности изофункциональных.

При этом следует осознавать настоятельную необходимость погружения соответствующих рассуждений в культурный контекст, поскольку непреложным фактом является факт «**детерминации** функционирования языка культурой и социумом» (Тарасов 2010: 4). (Выделено Е. Ф. Тарасовым. – Л. Г.) Поскольку «культура – это совокупность надбиологических программ воспроизводства жизни общества в ходе деятельностного освоения природы, предполагающего также изменение этой жизни» (Тарасов 2010: 4), распознавание и корректное декодирование интертекстуальных связей можно предполагать лишь у тех носителей языка, кто владеет **дифференцированными** знаниями о культуре и её носителях.

Следовательно, понимание как обмен информацией, как постижение смысла, как интеракция, а также распознавание цели,

постановка цели, прогнозирование реакции на различные стимулы и планирование предстоящей деятельности **невозможно** без учета интертекстуальных связей и способов их реализации в каждой конкретной интеракции. Это связано с тем, что интертекстуальные связи активизируют многочисленные, не всегда четко осознаваемые самими носителями культуры, но весьма значимые дополнительные разнородные сведения о культуре в целом, об особенностях взаимодействия, о характере организации интеракции, о носителях культуры, наконец (см. подробный анализ соответствующих примеров в Гришаева 1998).

Так, понимание текста, приведённого в качестве примера ниже, прогнозирование реакции на него, распознавание интенции его адресанта невозможно без дифференцированного знания о культурной специфике и ее маркерах, без владения прецедентными феноменами разного типа – как региональными, так и универсальными (о типологии прецедентных феноменов как культурных скреп см. подробнее в Гришаева 2004) (разные типы прецедентных феноменов подчеркнуты по-разному):

Номер верстался в пятницу, тринадцатого числа високосного года силами ббб баб с пустыми ведрами. Еще вопросы есть? –

Ср. текст без интертекстуальных связей, более или менее близкий исходному в содержательном отношении: *Номер верстался 13 в пятницу в очень неблагоприятной для любого вида деятельности обстановке весьма неудачливыми верстальщиками. Поэтому ничего хорошего ждать от этого номера не следует.* Это не совсем корректное сравнение убедительно показывает, насколько важным с точки зрения содержательной, функциональной, интеракциональной и семиологической интерпретации является наличие/отсутствие в тексте прецедентных феноменов или иных средств реализации интертекстуальных связей.

Поскольку культура, согласно Р. Поснеру, представляет собой «коллективный механизм сохранения информации», «то, чем является память для индивида», «аппарат селекции», «с биологической точки зрения машину выживания» (Posner 2003: 64, 65), можно с полным основанием утверждать, что средства реализации интертекстуальных связей являются специфическим кодом, который накладывается на первичные средства кодирования культурно значимой информации; см. пример выше.

Другими словами, средствами реализации интертекстуальных связей могут быть любые культурно специфические средства (реалия, пословица, культурный стандарт (по А. Томасу), стереотип, фразеологизм, цитата в разной форме своего бытования в тексте), выражаемые вербально и невербально, а также прецедентные феномены, существующие в культуре в разнообразных формах, которые могут выражаться средствами вербального и невербальных кодов (см. анализ способов отграничения прецедентов от других культурно специфических средств, а также о дискуссии относительно критериев прецедентов в Гришаева 1998; 2004; Grischewa 2011).

Сказанное означает, что в культуре чрезвычайно важной является интертекстуальная когерентность, потому что без соответствующих умений нельзя успешно взаимодействовать с другими носителями культуры. Поэтому в качестве основной функции культурно специфических средств можно назвать их функцию установления текстовой когерентности (в смысле Я. Ассманна (Assmann 2000: 87 ff.), базирующейся на выражении культурно значимых смыслов в письменных источниках, что типично для письменных культур (Assmann 2000), и в конечном итоге – функция культурной когерентности, выражающейся, согласно теории культурной памяти Я. Ассманна, в актуализации культурной памяти в настоящем (Assmann 2000). Основными постулатами теории культурной памяти являются следующие:

- культурная память реализуется через ряд текстов, значимых для культуры;
- новые носители культуры заново овладевают этими текстами в актуальном для них настоящем;
- результатом освоения этих текстов новыми поколениями носителей культуры становится текстуальная когерентность;
- освоение культурной памяти осуществляется через комментарий, имитацию или критику значимых для культуры текстов (см. подробнее в Assmann 2000).

Поскольку средствами реализации интертекстуальных связей могут быть элементы вербального и невербальных кодов, следует принять во внимание разные уровни активизации отношений между внешним стимулом и вербальной/невербальной активностью субъекта:

- репрезентационный, описывающий связь лингвистических и нелингвистических единиц с их вербальными и невербальными коррелятами;
- референциальный, характеризующий связь вербальных и невербальных репрезентаций с конвенциональными отношениями между нелингвистическими единицами и их обозначениями;
- ассоциативный, отображающий связь вербальных и невербальных репрезентаций между собой (Paivio 1986: 214-215).

И это предполагает необходимость умения распознавать соответствующие связи и, следовательно, ответить на следующие теоретически значимые вопросы:

- Могут ли носители культуры распознавать прецеденты в тексте?
- Как они интерпретируют содержание культурных символов?
- От чего зависит распознавание культурных символов?
- Можно ли исчислить маркеры прецедентов и культурных символов?
- Чем руководствуются носители культуры, утверждая, что они распознали прецедент?
- Чем отличается рецепция текста, если адресат распознал прецедент, от восприятия того же текста, если реципиент не распознал прецедент?

3. Интертекстуальность как барьер в межкультурной коммуникации. В теории межкультурной коммуникации многие факторы, оказывающие влияние на результат межкультурного взаимодействия, зачастую и традиционно описываются как барьеры. Складывается впечатление, что такое положение дел признается сегодня аксиоматичным, хотя констатация этого большей частью имплицитруется. Постановка вопроса в таком виде не может удивлять исследователя, поскольку в фокус специального – и неспециального тоже, что очень важно – интереса попадают, прежде всего, факторы, воздействие которых как на течение межкультурного контакта, так и на его результат, оказывается преимущественно негативным. Выражаясь иначе, барьеры, согласно принятым интерпретациям, препятствуют деятельности комму-

никантов, не позволяют им добиваться своей цели в процессе межкультурного взаимодействия.

Между исследователями отсутствует консенсус в понимании сущности и этиологии барьеров для межкультурной коммуникации. До сих пор нет согласия при определении степени влияния каждого из потенциальных барьеров на исход межкультурного взаимодействия, а также в трактовке «сферы ответственности» каждого из возможных факторов риска в актуальном акте межкультурной коммуникации. Относительно потенциально возможных подходов к рассмотрению упомянутых проблем также нет единства мнений.

В различных трудах и пособиях по межкультурной коммуникации барьеры для межкультурной коммуникации присутствуют в том или ином виде и с той или иной степенью полноты соответствующего списка (см. подробнее в: Цурикова 2002; 2007; Гришаева, Цурикова 2003; 2004; 2006; 2007; 2008; Стратегии 2005). Это, в частности, подсознательное ожидание сходства, а не различия между культурами, этноцентризм, ксенофобия, опора на социокультурные прямые и переносные авто- и гетеростереотипы, стремление к широким обобщениям и эмоциональным оценкам, неуверенность, беспокойство и волнение, неадекватная интерпретация инокультурного невербального поведения, недостаточный уровень владения формально-структурными особенностями неродного языка, использование инокультурного вербального кода согласно конвенциям «своей» культуры и др.

Так, Г. Грош и др. называют в своей работе следующие сферы межкультурной неуверенности (Grosch 2000):

- невербальная коммуникация,
- вербальная коммуникация,
- символика,
- поведенческие нормы, обычаи, ритуалы,
- социальные институты и социальные роли,
- отношение ко времени,
- когнитивный стиль, образ мышления,
- системы верований и ценностные представления,
- образ мира и образ человека, сложившиеся в данной лингвокультуре.

Даже первичное знакомство с перечисленными параметрами убеждает в том, что в соответствующий список попадают весьма разнородные явления, которые потенциально охватывают практически все сферы жизнедеятельности человека как носителя языка и культуры; и сказанное типично не только для процитированной точки зрения. Перечисленные параметры, однако, можно, опираясь на критический анализ специальной литературы по обозначенной проблеме, условно разделить на неравновеликие группы в зависимости от их этиологии:

- (1) параметры, так или иначе связанные с когнитивной деятельностью субъекта, прежде всего с обработкой сведений о мире, влиянием разнородных факторов на течение и результат когнитивных процессов;
- (2) параметры, имеющие отношение к осуществлению коммуникативной деятельности, в первую очередь, к организации интеракции определенного типа;
- (3) параметры, соотносимые с особенностями способов фиксации знаний о мире и способов активизации этих сведений, то есть, с культурными кодами;
- (4) параметры, связанные с особенностями использования языка как наиболее эффективного и универсального кода, с помощью которого осуществляются познавательная и коммуникативная деятельность.

Целесообразность такого подхода станет очевидной, если принять во внимание, что все перечисленные выше сферы межкультурной неуверенности по-разному соотносятся с культурно специфической картиной мира как совокупностью гетерогенных, гетерохронных, гетеросубстратных знаний, представлений, схем действий, ценностных ориентаций и т. д. (Кубрякова 1988). Эти сведения определенным образом структурированы у субъектов с теми или иными характеристиками, которые закономерным образом обуславливают способы репрезентации опыта; причем «репрезентативные системы соответствуют тому <сенсорному> каналу, который более развит, чем остальные» (Сухих 2004: 87-88). Закономерные корреляции выявлены также между типом личности и характером использования языка (см. подробнее: Лузаков, Сухих 2004; Сухих 2006). Следовательно, у разных психотипов личности не могут быть тождественными сферы неуверенности в межкультурной коммуникации.

Поэтому очевидно, что к изучению факторов риска в межкультурной коммуникации следует подходить системно, принимая во внимание (1) сущность каждого барьера в отдельности, (2) сферу его потенциального воздействия, (3) степень влияния на осуществление интеракции того или иного типа, (4) его место в системе других барьеров. Важным в обсуждаемом контексте является также (5) учёт характера и типа интеракции, применительно к которой описывается тот или иной фактор риска как барьер в межкультурной коммуникации.

Значимость высказанных соображений обусловлена тем, что в конкретных условиях взаимодействуют не некие абстрактные сущности с раз и навсегда заданными и неизменными характеристиками, а конкретные живые люди. Поэтому личностные особенности могут как сводить на нет теоретически возможное негативное влияние конкретного фактора риска, так и превращать его в свою противоположность, то есть, способствовать достижению взаимопонимания, несмотря на самые неблагоприятные условия, складывающиеся в определенных коммуникативных обстоятельствах.

Между тем при изучении работ по обсуждаемой проблематике обращает на себя внимание ещё одно любопытное обстоятельство: барьеры в межкультурной коммуникации подаются в разных трудах по её теории в подавляющем большинстве случаев таким образом, как будто влияние каждого из барьеров уже установлено научно выверенными способами и верифицировано, как будто оно однолинейно, однозначно, предсказуемо и, в конечном итоге, суммируемо в некий комплекс, жёстко предопределяющий результат межкультурного взаимодействия.

Подобная интерпретация сущности барьеров для межкультурной коммуникации и их влияния на процесс и результат взаимодействия имеет своё объяснение. Однако такое объяснение не является адекватным изучаемому феномену – **межличностной** коммуникации, осуществляемой в тех или иных условиях для реализации определенной цели. Поэтому доминирующая сегодня трактовка влияния барьеров для межкультурной коммуникации, с одной стороны, чревата теоретической аберрацией, с другой стороны, вступает в разного рода противоречия с реальной практикой. По этой причине подобное понимание барьеров при межкультурной коммуникации мало приспособлено к обучению её

принципам при академическом образовании, а также на разных семинарах и специальных тренингах для разных категорий людей, вступающих в межкультурную коммуникацию по личным и/или профессиональным причинам.

Применительно к обсуждению способов установления и/или распознавания интертекстуальных связей, следует заметить, что они оказываются чувствительными буквально к каждому параметру, значимому для анализа факторов риска в межкультурной коммуникации. Это обусловлено тем, что текст – результат коммуникации, осуществляемой в определённых условиях при решении некоторой коммуникативной и когнитивной задачи. Поэтому понятно, что и когнитивные, и коммуникативные, и интеракционные, и семиотические, и психологические, и социологические, и сугубо лингвистические закономерности оказывают влияние на выбор средств и способов реализации интертекстуальности.

4. Факторы риска в коммуникации. Факторы риска, так или иначе связанные с личностной и коллективной идентичностью коммуникантов, действительно относятся к **неэлиминируемым** в межкультурных контактах, потому что их влияние на развитие и результат интеракции имеет место при любых условиях для коммуникантов с самыми разными характеристиками.

По этой причине другие, известные из теории и практики межкультурной коммуникации факторы риска можно признать факторами, **модифицирующими** процесс взаимодействия. Эти факторы так или иначе изменяют развитие интеракции, хотя степень выраженности влияния обсуждаемых факторов риска на действия разных коммуникантов различна, а в ряде случаев их влияние на результат интеракции может быть минимальным. Факторы этой группы модифицируют процесс и результат взаимодействия в дополнение к влиянию факторов, неэлиминируемых из коммуникации ни при каких условиях.

Изучение факторов риска для межкультурной коммуникации целесообразно интерпретировать в качестве специальной задачи потому, что они обуславливают выбор коммуникантом в определённых дискурсивных условиях конкретных коммуникативных макро- и микростратегий. С этой точки зрения умение коммуниканта распознавать факторы риска как таковые можно признать

одним из решающих условий успешности межкультурного диалога, см. схему 1 в (Гришаева 2007: 43).

Очевидно, что в представленной схеме 1 названы не все факторы риска, будь то описанные выше или другие факторы, потенциально обуславливающие развитие и результат интеракции между носителями разных культур. Это связано с тем, что, во-первых, список вряд ли может быть когда-либо закрыт и, во-вторых, современное состояние исследований в области теории межкультурной коммуникации пока еще не имеет ясного **системного** верифицируемого представления об изучаемых факторах и о соотношении между отдельными факторами риска и условиями успешности в межкультурной коммуникации.

Из названной схемы вытекает, что факторы риска одной и той же этиологии (например, когнитивные) имеют разное содержательное наполнение в зависимости от их типа и природы. Учитывая особенности межкультурной коммуникации, все факторы риска необходимо первоначально развести на два типа: элиминируемые или модифицирующие – первые относятся к культурной и коллективной идентичности субъекта познания и коммуникации, а вторые – к личностной идентичности субъекта. Оба типа факторов риска целесообразно разделить на четыре группы в зависимости от их природы: тип личности коммуниканта, организация интеракции, когнитивные установки, степень владения языком как культурным кодом и/или культурными кодами.

Неэлиминируемыми факторам риска являются:

- тип личности коммуниканта:
 - когнитивно и коммуникативно ригидная личность,
 - отсутствие у личности культурной сенситивности,
- организация интеракции:
 - незнание стратегий взаимодействия в инокультурной среде,
 - неумение владеть коммуникативными стратегиями в инокультурной среде,
- когнитивные установки:
 - стереотипы сознания,
 - этноцентризм,
 - подсознательное ожидание сходства, а не различия между культурами,
 - (отсутствие знаний о культуре),

- (неумение соотносить внешний и внутренний аспект культурных элементов),
- владение языком как культурным кодом:
 - = использование «чужого» языка согласно конвенциям «своей» культуры.

К модифицирующим факторам риска целесообразно отнести:

- тип личности коммуниканта:
 - психологические особенности психотипа,
 - уровень образованности,
 - характер образования,
- организация интеракции:
 - = неумение выбрать дискурсивную стратегию, адекватную инокультурной среде и актуальным дискурсивным условиям,
- когнитивные установки:
 - предубеждения,
 - предрассудки,
 - волнение, беспокойство, неуверенность,
 - подсознательное ожидание сходства культур,
 - стремление к широким обобщениям,
 - доминирование эмоциональных оценок инокультурной действительности,
 - опора на вторичное знание об инокультурной среде,
 - степень владения знаниями о культуре,
 - характер образования,
- степень владения культурными кодами:
 - уровень владения иностранным языком,
 - невладение невербальными культурными кодами,
 - неумение соотносить вербальный и невербальные коды, используемые в интеракции.

Предложенная интерпретация последовательно учитывает диалектику личностной и коллективной идентичности, а также сущность межкультурной коммуникации как межличностного взаимодействия.

Важно отметить, что в системе факторов риска уровень владения языком и особенности его использования интерпретируются только как один из многих других. Одним из теоретических следствий такого подхода является понимание того, что в разных условиях и разных типах интеракции степень влияния рисков,

связанных с уровнем владения «чужим» языком, нуждается в специальном изучении. Другое следствие заключается в том, что степень успешности аккультурации субъекта в инокультурную среду не зависит напрямую от глубины языковых знаний, которыми обладает человек. Интерпретация языка как культурного кода предполагает теоретически значимый акцент на то, что этим культурным кодом необходимо уметь пользоваться сообразно с соответствующими условиями, в которых он и функционирует как специфический культурный код. Поэтому понятно, что изучение «чужого» языка не может стать исключительной гарантией успешной адаптации человека к инокультурной среде.

Таким образом, очевидно, что прецедентные феномены и другие интертекстуальные средства необходимо описывать как факторы риска в межкультурной коммуникации. При этом неумение распознавать и адекватно интерпретировать интертекстуальные связи следует отнести, с одной стороны, к неэлиминируемым факторам риска и, с другой стороны, к модифицирующим.

Такая двойственность интерпретации обусловлена тем, что интертекстуальные средства относятся, прежде всего, к коллективной идентичности носителей культуры. Однако степень частотности, с которой конкретный носитель культуры обращается к прецеденту или иному способу активизации интертекстуальных связей, регулируется не столько конвенциями, сколько конкретными когнитивными и коммуникативными задачами, решаемыми в актуальной интеракции, а также индивидуальными предпочтениями при выборе коммуникантом средства выражения (культурно и) коммуникативно значимых сведений.

5. Распознавание интертекстуальных связей как часть подготовки переводчика. Многолетние наблюдения над способами интерпретации интертекстуальных связей в культуре и в художественных текстах носителями русской культуры, а также анализ того, насколько успешно носители культуры распознают интертекстуальные связи вообще, позволил убедиться в том, что для них эта задача не столь легка, как это может показаться на первый взгляд (Гришаева 1998; 2004). Поэтому был задуман опрос носителей русской и немецкой культур, в ходе которого они должны были интерпретировать отдельные отрывки из романа Л. Улицкой «СОНЕЧКА» (на русском языке и в переводе на немец-

кий), богатые интертекстуальными связями и активизирующие сведения о прецедентных феноменах, значимых для русской культуры (см. подробнее (Попова, Гришаева 2009; Grischaewa 2011).

Таблица 1.

Носители русской культуры	Носители немецкой культуры
(1а) молодые люди 20-21 лет	(1) молодые люди 25-30 лет
Узнали 7 из 20 прецедентных феноменов, главным образом из литературных источников (35%)	Крайне разнородные данные, которые нельзя свести воедино
(1б) «поколение родителей»	
Узнали 20 из 20 прецедентных феноменов (100%)	Распознаются источники: Библия, фильмография, быт, режиссура литературы и история.

Анализ ответов респондентов позволил выявить, чем руководствуются носители языка при распознавании и интерпретации интертекстуальных связей вообще и прецедентных феноменов, в частности:

- особенности контекста,
- + общая эрудиция,
- + высокая дифференциация знаний о мире,
- + качество общего образования и характер специальной профессиональной подготовки,
- + коммуникативный опыт,
- + лексическая семантика средств обозначения референтов,
- + логическая семантика и логические связи между отдельными частями текста (см. подробнее в: Grischaewa 2011).

Обобщая полученные в процессе исследования данные, можно назвать действия переводчика применительно к декодированию/кодированию интертекстуальных связей:

1. Распознавание в культуре А, что предполагает:
 - сформировавшуюся сенсификацию к семиотическим границам и к интертекстуальным связям в культуре,
 - умение определить место культурного прецедента (или иного средства реализации интертекстуальных связей) в картине мира,

- выявление функционального потенциала соответствующего феномена,
 - знание о существовании «синонимов» для реализации той же коммуникативной и когнитивной задачи,
 - умение использовать интертекстуальные связи при решении конкретных когнитивных и коммуникативных задач.
2. Поиск аналогов в культуре В, что означает:
- наличие сформировавшейся сенсibiliзации к семиотическим границам и к интертекстуальным связям в культуре,
 - умение определить место культурного прецедента (или иного средства реализации интертекстуальных связей) в картине мира,
 - умение выявлять функциональный потенциал соответствующего культурно специфического феномена,
 - дифференцированное знание о существовании «синонимов» для реализации той же коммуникативной и когнитивной задачи,
 - сформированное умение использовать интертекстуальные связи при решении конкретных когнитивных и коммуникативных задач.
3. Выбор переводческих решений, каждое из которых имеет свои очевидные достоинства, а также явные и скрытые недостатки:
- использование аналога (то есть, прецедентный феномен из культуры А вместо прецедентного феномена из культуры В),
 - перифразирование (то есть, либо использование, например, переводческого комментария или иного способа метаперевода, либо замена культурно специфического прецедента на универсальный, либо активизация соответствующих сведений средствами, «синонимическими» прецеденту),
 - элиминация интертекстуальных связей, свойственных исходной культуре.

6. Выводы. Проблема интертекстуальности, рассматриваемая в переводоведческом ракурсе, относится к сложнейшим, поскольку «даже при полном совпадении словарных дефиниций слов-коррелятов в разных языках они могут увязываться с различающимися ментальными образами, с актуализацией разных характерных признаков или признаков признаков объектов, действий, состояний, ситуаций, а также по эмоционально-оценочным пере-

живаниям, типичным для представителей контактирующих лингвокультур» (Залевская 2010: 15). Названное феноменологическое свойство языка как культурного кода требует особого внимания к таким средствам активизации интертекстуальных связей, как прецедентные феномены в их разнообразных формах.

Средства реализации интертекстуальных связей являются факторами риска в межкультурной коммуникации как для коллективного, так и для единичного субъекта познания и коммуникации. Поскольку интертекстуальность является свойством любого текста, она относится к неэлиминируемым факторам риска в межкультурной коммуникации. В связи с тем, что степень плотности интертекстуальных связей в разных типах текста различна и в каждом конкретном тексте проявляется по-разному, интертекстуальность следует описывать также и среди модифицирующих факторов риска.

Отсутствие умения распознавать интертекстуальные связи и передавать их средствами языка перевода следует признать серьёзным фактором риска в переводческой деятельности, поскольку в таком случае имеет место существенное содержательное отличие исходного и переводного текста, в результате чего кардинально меняется воздействие текста на реципиента.

Поэтому в подготовку переводчика следует включить специальные задания, адаптированные к определённым типам текста и к конкретным типам коммуникативных и когнитивных задач, задания, направленные на

- сенсбилизацию к интертекстуальным связям,
- распознавание вероятной специализации отдельных прецедентных феноменов на определённые типы дискурса и/или когнитивные и коммуникативные задачи,
- учет значимости прецедента и степень его обязательности при порождении текста,
- определение функциональной сферы прецедента (моноили полифункциональность),
- выявление значимости интертекстуальных связей прецедента в тексте/культуре в целом,
- сопоставление функционального потенциала прецедентных феноменов и других средств реализации интертекстуальности в разных культурах,

- определение типа прецедента: региональный, универсальный, узко локальный и др. – и его функциональной сферы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гришаева, Л. И. Арминий, Барбаросса, ведьмы с Брокена и другие: немецкий язык и культура через призму немецких прецедентных текстов. – Воронеж: ВГУ, 1998. – 148 с.

2. Гришаева, Л. И. Введение. Прецедентные феномены как культурные скрепы (к типологии прецедентных феноменов) // Феномен прецедентности и преемственность культур Коллективная монография под общ. ред. Л. И. Гришаевой, М. К. Поповой, В. Т. Титова. – Воронеж: ВГУ, 2004. – С. 15-46.

3. Гришаева, Л. И. Особенности использования языка и культурная идентичность коммуникантов. – Воронеж: ВГУ, 2007. – 261 с.

4. Гришаева, Л. И., Цурикова Л.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации/ Л. И. Гришаева, Л. В. Цурикова. – Воронеж: ВГУ, 2003 (2004). – Изд. 1-2. – 369 (424) с.

5. Гришаева Л.И. Введение в теорию межкультурной коммуникации / Л. И. Гришаева, Л. В. Цурикова. – М.: Academia, 2006 (2007, 2008). – Изд. 3-5. – 336 (336, 352) с.

6. Залевская, А. А. Жизнь языка при межкультурных взаимодействиях // Жизнь языка в культуре и социуме. – М.: Издательство «Эйдос», 2010. – С. 13-15.

7. Кашкин, В. Б. Парадоксы границы в языке и коммуникации. – Воронеж: Издатель О. Ю. Алейников, 2010. – 382 с.

8. Кубрякова, Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Серебренников, Б. А. и др. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 141-172.

9. Лузаков, А. А. Психологические факторы взаимопонимания / А. А. Лузаков, С. А. Сухих // Взаимопонимание в диалоге культур: условия успешности: колл. монография под общ. ред. Л. И. Гришаевой и М. К. Поповой. – Часть 1. – Воронеж: ВГУ, 2004. – С. 45-68.

10. Попова, В. А. Маркеры прецедентных феноменов в художественном тексте (на материале повести Л. Улицкой «СОНЕЧКА» и

её перевода на немецкий язык) / В. А. Попова, Л. И. Гришаева // Дайджест-2009. – Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2009. – С. 249-268.

11. Стратегии успеха и факторы риска в межкультурной коммуникации: колл. монография / Под общ. ред. Л. И. Гришаевой и Л. В. Цуриковой. – Воронеж: ВГУ, 2005. – 391 с.

12. Сухих, С. А. Личность в коммуникативном процессе. – Краснодар: Изд-во Южного института менеджмента, 2004. – 156 с.

13. Сухих, С. А. Источники специфического в знаковой деятельности человека // Человек как субъект коммуникации: универсальное и специфическое: колл. монография под общ. ред. Л. И. Гришаевой и Е. Н. Ищенко. – Воронеж: ВГУ, 2006. – С. 71-85.

14. Тарасов, Е. Ф. Жизнь языка в культуре и социуме (вместо вступительного слова) // Жизнь языка в культуре и социуме. – М.: Издательство «Эйдос», 2010. – С. 3-8.

15. Цурикова, Л. В. Проблема естественности дискурса в межкультурной коммуникации. – Воронеж: ВГУ, 2002. – 256 с.

16. Цурикова, Л. В. Естественные барьеры для межкультурной коммуникации // Вестник Воронежского государственного университета. Гуманитарные науки. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2007 – №1. – С. 138-153.

17. Assmann, J. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. – München: Verlag Beck, 2000. – 344 S.

18. Beaugrande, R.-A. de. Einführung in die Textlinguistik / R.-A. de Beaugrande, W. Dressler. – Tübingen, 1981.

19. Bußmann, H. Lexikon der Sprachwissenschaft. – Stuttgart: Alferd Kröner Verlag, 2002. – 783 S.

20. Fix, U. Texte und Textsorten – sprachliche, kommunikative und kulturelle Phänomene. – Berlin: Frank & Timme, 2008. – 506 S.

21. Grischewa, L. Kultursymbole als translato-logisches Problem // Translationsforschung – Tagungsberichte der LICTRA IX. Leipzig International Conference on Translation & Interpretation Studies 19.-21.5.2010. 10 Leipziger Studien zur angewandten Linguistik und Translatologie / Hrsg. von Peter A. Schmitt / Susann Herold / Annette Weilandt. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2011. – Teil 1. – S. 257-268.

22. Grosch, H. Methoden interkulturellen Lehrens und Lernens. // H. Grosch, A. Groß, W. R. Leenen. – Saarbrücken, 2000. – 86 S.

23. Heinemann M. Grundlagen der Textlinguistik. Interaktion – Text – Diskurs / M. Heinemann, W. Heinemann. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2002. – 281 S.

24. Metzler Lexikon Sprache / Hrsg. von Helmut Glück. – Stuttgart, Weimar: J.B. Metzler Verlag, 1993. – 711 S.

25. Paivio, A. Mental representations: A dual coding approach. – Oxford, NY, 1986. – 322 p.

26. Posner, R. Kultursemiotik. // Konzepte der Kulturwissenschaften / Hrsg. von A. Nünning und V. Nünning. – Stuttgart, Weimar: J.B. Metzler, 2003. – S. 39-72.

Людмила Ивановна Гришаева
Воронежский государственный университет
пл. Ленина, 10-44, Воронеж, 394006
Российская Федерация
grischaewa@rgph.vsu.ru

Lyudmila I. Grishaeva
Voronezh State University
pl. Lenina, 10-44, Voronezh, 394006
Russian Federation
phone: +7 (473) 220 84 89